

ПЕРЕПЛЕТ

Ком. правда. - 1999 - 3 нояб.
КАК Я СТАРА - с. 12

я еще помню порядочных людей!



«...Если бы я вела дневник, я бы каждый день записывала одну фразу: «Какая смертная тоска...».

Фаина Раневская
 «Дневник на клочках»
 Издательство Фонда русской поэзии, тираж 4500 экз.

«И Вера меня любила и называла Глыба! Если бы я могла в это верить!» Одна из десятков записей на клочках. «Вера» — Вера Марецкая, изумительная актриса. «Я» — Фаина Раневская, еще более изумительная, легендарная, великая. Книжка Раневской так и называется — «Дневник на клочках». И Господи, какие признания!

Анна Ахматова, подруга, сказала ей однажды, смеясь: «Вам 11 лет и никогда не будет 12». Зато она сама себе скажет: «...Бог мой, как я стара — я еще помню порядочных людей!» Потрясающий юмор Раневской, совокупный с присущими ей резкостью, искренностью, состраданием и любовью к людям и жизни, — это и есть детский коктейль. И он же — коктейль гения.

Короткие записи Раневской об Ахматовой тяжелее томов. Она вспоминает, как застала Ахматову плачущей, что было большой редкостью. «Внезапно она перестала плакать, помолчала: «Знаете, умерла первая жена моего бывшего мужа. Вам не кажется ли смешным, что я ее так оплакиваю?» Вы понимаете, что оплакивала Анна Андреевна? Фаина Георгиевна поняла: собственную молодость.

«В один из этих страшных ее дней спросила: «Скажите, Вам жаль меня?» — «Нет», — ответила я, боясь заплакать. — «Умница, меня нельзя жалеть». Ну, и не глыбы они обе? А та запись о «глыбе», с которой я начала, кончается так: «Нет, я знала актрис лучше Раневской». И раньше: «Что сделала такого, за что мне не было бы стыдно перед своей совестью? Ничего. У меня был талант, и ум, и сердце. Где все это?» Все было при ней. И при ней же — высоченный счет к себе. «...Если бы я вела дневник, — пишет она, — я бы каждый день записывала одну фразу: «Какая смертная тоска...». Вот вам изнанка души человека, можно сказать, достигшего вершин.

На вершинах — ледяной ветер одиночества, чтоб вы знали, а вовсе не сладко-пряный запах глупой славы. И не высокомерие. Разве мог бы высокомерный человек оставить: «Мне всегда было непонятно: люди стыдятся бедности и не стыдятся богатства».

Краткость и емкость у Раневской — пушкинские. Когда Андроников назвал ее «явлением», с ее острого язычка тотчас сорвалось: «без явления». И пояснила: «Потому что дирекция театра меня таковой не считает...» У великих так по-детски болело сердце, когда другие не ценили их и не понимали.

Ольга КУЧКИНА.